

симъ же говорилъ: истинну, господине, вамъ скажу, что у меня въ сердцѣ, ни отъ кого есми того не слыхалъ и не говаривалъ ни съ кѣмъ, а мнѣньемъ есми своимъ то себѣ держалъ въ сердци: вдовици плачють, а пойдетъ государь къ церквѣ и вдовици плачють и за нимъ идутъ, и они ихъ бьютъ; и язъ за государя молилъ бога, чтобы государю богъ на сердце положилъ и милость бы государь надъ ними показалъ».¹

§ 16. Переходя к взглядам Максима Грека на внешнюю политику Московской Руси, мы вступаем в область, особенно нуждающуюся в объективном освещении. Оно необходимо ввиду недостаточности данных, которыми мы до сих пор располагали, оно важно для понимания самого Максима. Начнем с предварительных соображений о том, что может считаться вполне ясным и не вызывающим возражений. Нет сомнения, что в Максиме было чрезвычайно сильно и ярко греческое сознание. Прибыв в Россию человеком, окончательно сложившимся, уже ранее в Италии и на Афоне выработавшим и путем внутренней борьбы выстрадавшим свои убеждения, Максим, несмотря на долгие годы жизни на Руси и активное участие в идейном творчестве русской жизни, до конца дней своих остался истым греком. В своем «исповѣданіи православной вѣры», написанном в малолетство Грозного, он прямо заявлял, что дело его по обвинению в отступлении от православной веры подлежит суду вселенского патриарха, а не русского митрополита: «Грекъ бо азъ и въ гречестѣй земли и родився и воспитанъ и постригся въ иноки. Сего ради и греческыя земли святителемъ повинень есмь по божественнымъ правиломъ и уставомъ святыхъ соборъ».² Очень характерны и неоднократно на протяжении многих лет повторяющиеся просьбы Максима отпустить его в родной Ватопед, где он трудился с юности, где его ждут, где он хочет сложить свои кости. Устойчивый национальный облик Максима естественно мог приводить его к столкновению с отдельными чисто-русскими тенденциями как в сфере церковных отношений, так и в области внешней политики. Самый факт таких противоречий несколько не удивителен, но тем серьезнее необходимость внимательно проследить, как разрешал их сам Максим. Одно из противоречий, рано вскрывшееся, касалось вопроса об отношении русской церкви к константинопольскому патриарху. После падения Византии в Московском государстве стало все более и более распространяться мнение, что свет греческого православия меркнет, и русским митрополитам не следует получать поставление от царе-

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук, т. I, стр. 142, прим. СПб., 1836.

² Каз. изд., I, стр. 30, изд. 2-е.